

АМИНА НУР

УКРОЩЕНИЕ МЕДЕО

РОМАН

18+

Амина Нур
Укрощение Медео

«Автор»

2026

Нур А.

Укрощение Медео / А. Нур — «Автор», 2026

1966 год. Ущелье Медеу готовится к беспрецедентному взрыву: 3604 тонны аммонита должны обрушить скалу, чтобы создать плотину и спасти Алма-Ату от селей. Малейшая ошибка в расчетах сотрет спящий город с лица земли. Она — строгий инженер из Ленинграда, выпускница «Военмеха», доверяющая только логарифмической линейке и цифрам. Он — ведущий специалист из Шымкента, жесткий практик, привыкший чувствовать горы руками. Для него эта стройка — личный реванш у судьбы. Они — абсолютные антиподы, вынужденные работать вместе на краю пропасти. Их знакомство начинается с жесткого профессионального противостояния, но чем ближе секунды до исторической детонации, тем сильнее искрит воздух между ними. Основано на реальных событиях строительства легендарной плотины Медеу.

© Нур А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Точка детонации	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Амина Нур

Укрощение Медео

Глава 1. Точка детонации

Воздух в бункерном вагончике минной станции гудел от статического электричества и табачного дыма. Снаружи, отбиваясь от зазубренных краев ущелья Медео, истошно метался хриплый вой сирены. Высоко над ними, прорезая холодное октябрьское небо, кружил самолет. На его борту специалисты Управления гидрометеослужбы Казахской ССР и Научно-исследовательского гидрометеорологического института напряженно ждали момента, чтобы зафиксировать рождение плотины.

Здесь, под землей, сквозь треск радиопомехплыли торжественные аккорды Первого концерта Чайковского — пароль абсолютной готовности.

Елена стояла в шаге от главного пульта, неотрывно глядя на панель конденсаторной подрывной машины КПМ-2. Липкий пот полз по ее позвоночнику, несмотря на осенний холод. За пультом, положив руку на детонатор, замер главный инженер «Ленвзрывпрома» Георгий Иванович Плахов. Рядом с ним, сверля взглядом показания приборов, нависал начальник взрыва, управляющий трестом «Казахвзрывпром» Израиль Яковлевич Иттер. Три тысячи шестьсот четыре тонны аммонита, замурованные в недрах правого склона, ждали. Ошибка в расчетах хотя бы на долю процента означала катастрофу. Елена, как эксперт, чья школа ковалась в ленинградском Военмехе, проверяла эти цифры десятки раз, но сейчас казалось, что воздух можно резать ножом.

Болат шагнул от бронированного окна, оказавшись так близко, что она уловила запах морозной каменной пыли от его штормовки. Он смотрел не на гору. Он смотрел на нее. В его темных глазах горел первобытный кураж, смешанный с абсолютным доверием. Для него этот день был личным рубежом: его семья однажды потеряла всё, сгинув в голодной степи, и теперь он собирался заставить саму природу возвести стену, которую не прорвет ни один сель. И эту стену он строил вместе с ней — строгой, непреклонной девчонкой из Ленинграда, навсегда перевернувшей его привычный мир.

Из динамика рации донесся голос инженера Илийской экспедиции Михаила Брусиловского: «Пять секунд тишины». Радисты всего мира замолчали.

В этот звенящий вакуум Болат медленно, словно обжигаясь, накрыл своей тяжелой, горячей ладонью ледяные пальцы Елены, сжимающие край металлического стола. По ее коже мгновенно пробежал разряд, куда более сильный, чем тот, что сейчас копился в конденсаторах машины. Она затаила дыхание, чувствуя колотящийся пульс на его запястье.

Первый удар метронома. На панели КПМ-2 вспыхнул красный неоновый глазок — машина набрала тысячу пятьсот вольт.

Иттер выпрямился и рубленным, жестким голосом скомандовал: — Взорвать!

Второй удар метронома. Плахов с силой вдавил кнопку подрывной машины. Болат до хруста сжал пальцы Елены.

Сначала сработали четыре передовых заряда. Глухие, бьющие по барабанным перепонкам удары — взрывчатка выгрызала в скале искусственную воронку, чтобы направить основную ярость в строго рассчитанное русло. Потянулись четыре секунды технического замедления. Миллионы тонн породы зависли в ожидании.

А затем на глубине ста пятидесяти метров проснулся главный заряд.

Мгновенный всплеск колоссальной энергии едва не сбил их с ног. За бронированным стеклом выше облаков взметнулось ослепительное пламя, разорванное пронзительными баг-

ровыми молниями. Земля под ногами не просто задрожала — она мягко, пугающе качнулась, словно палуба уходящего под воду корабля.

Болат и Елена стояли плечом к плечу и смотрели, как в небо на высоту в двести пятьдесят метров взлетает оторванная часть горы. Разрастаясь со скоростью сто метров в секунду, над ущельем Медеу расцветал гигантский, клубящийся черный цветок из пыли и газа. Вырванная с корнем скала покорно рухнула точно поперек реки.

Ровно в 11:00 по алма-атинскому времени сейсмографы планеты дрогнули, зафиксировав искусственное землетрясение. Ловушка для селя захлопнулась. Плотины родилась. Елена судорожно выдохнула. Сделано.

Пятью месяцами ранее. Май 1966 года.

Алма-Ата встретила ее плавящимся асфальтом и густым ароматом цветущего урюка, который напрочь перебивался тяжелым запахом солянки и нагретого металла на подъезде к урочищу Медеу.

Спрыгнув с подножки служебного ПАЗика, Елена одернула подол строгой серой юбки и привычным, выверенным жестом поправила очки. В руках она намертво сжимала тубус с чертежами. После академической тишины и ледяного спокойствия коридоров ленинградского «Военмеха» эта стройка казалась ей первобытным хаосом, сорвавшимся с цепи. Визжали лебедки, ревели моторы пузатых МАЗов, рабочие перекрикивались на смеси русского и казахского, а фоном всему этому служил неумолчный, давящий на уши грохот бурлящей Малой Алматинки.

Она сделала шаг к дощатому штабному вагончику, стараясь не запачкать ленинградские туфли в рыжей горной глине, когда ей наперерез шагнула высокая фигура.

— Эй, девушка! Экскурсии для студентов архитектурного заканчиваются ниже по ущелью. Здесь опасная зона, — раздался насмешливый, чуть хрипловатый голос.

Елена остановилась. Перед ней стоял парень в выцветшей, покрытой въевшейся каменной пылью штормовке. На его лице, сером от гранитной крошки, выделялись только темные, пронзительно-внимательные глаза и упрямая линия челюсти. В одной руке он держал надкусанное зеленое яблоко, а другой небрежно прижимал к бедру скомканную «синьку» генерального плана.

Елена медленно смерила его взглядом, от тяжелых рабочих ботинок до взлохмаченных жестких волос.

— Я не на экскурсию, — ее голос прозвучал так же холодно и ровно, как лязг чертежного циркуля. — Инженер-взрывотехник Елена Смирнова. Прикомандирована из Ленинграда для проверки и корректировки математической модели направленного обрушения. А вы, я полагаю, местный прораб?

Парень хрустнул яблоком, даже не подумав смутиться. Его взгляд скользнул по ее идеальной прическе, накрахмаленному воротничку блузки и этому нелепому на грязной стройке тубусу.

— Болат, — он протянул ей свободную, измазанную в мазуте и пыли руку. Елена подчеркнуто проигнорировала жест, крепче перехватив свои чертежи. Парень усмехнулся и вытер ладонь о штанину. — Ведущий инженер участка. И у нас тут не Невский проспект, Смирнова. Здесь горы. Ваши идеальные бумажные расчеты, сделанные в уютных кабинетах, разобьются о первый же гранитный выступ. Мы тут не цифры на бумаге рисуем, мы породу рвем.

Елена не моргнула. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Она спокойно расстегнула кожаный портфель, висевший на плече, достала логарифмическую линейку и шагнула к нему почти вплотную, заставив Болату чуть отстраниться.

— Мои расчеты, Болат, построены на законах физики. А механика сплошных сред работает одинаково безупречно — что в Ленинграде, что в Нью-Йорке, что в ваших горах. И она работает даже там, где инженеры предпочитают полагаться на интуицию, авось и яблоки, —

она выразительно кивнула на огрызок в его руке. — Если вы порвете породу «на глаз», ваш заряд обрушит половину хребта прямо на город. Так что отложите ваш перекус и покажите мне геологический срез правого склона. Сейчас же.

В воздухе повисла тяжелая, густая пауза. Грохот грузовиков и гул реки словно отступили на второй план.

Улыбка медленно сползла с лица Болат. Он смотрел в ее потемневшие, не терпящие возражений глаза и внезапно понял: эта питерская девчонка не сбежит в слезах к начальству после первого же хамского слова и не сломается после первого снегопада в горах. В ней был тот же скрытый, упрямый стержень, который он чувствовал в самом себе. Она будет грызть этот гранит вместе с ним, до крови сбивая руки о логарифмическую линейку.

Болат молча швырнул огрызок в пропасть ущелья, развернулся и толкнул скрипучую дверь штабного вагончика.

— Прошу в мои апартаменты, товарищ эксперт, — бросил он через плечо. — Посмотрим, чего стоят ваши ленинградские формулы против нашего тянь-шаньского гранита.

Война за Медеу только что началась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.